

LUDWIG-
MAXIMILIANS-
UNIVERSITÄT
MÜNCHEN

INSTITUT FÜR FINNOUGRISTIK/URALISTIK
LUDWIGSTR. 31
80539 MÜNCHEN

Prof. Dr. Elena Skribnik
Tel. +49 (0)89 2180-1379
Fax +49 (0)89 2180-3005
skribnik@lmu.de

www.finnougristik.lmu.de

К вопросу о совершенствовании хантыйской орфографии

Как специалисты, работающие с обско-угорскими языками, мы знакомы со всеми существующими и существовавшими системами и традициями графического представления хантыйского языка, начиная с XIX в., от разных типов транскрипций до разных систем практической орфографии. Мы вынуждены сказать, что орфография, используемая в настоящее время, является объективно одной из самых неудачных.

Хантыйский - это язык действительно «младописьменный», но за короткую историю своей письменности переживший уже несколько поистину революционных ее изменений. Самое тяжелое по последствиям - это смена принципов орфографии, сопутствовавшая смене алфавита в конце 1930-х гг. Если предшествовавшая система на базе латинизированного «Алфавита народов Севера» разрабатывалась учеными, ориентировавшимися на научную финно-угорскую транскрипцию и на фонетическую структуру языка, то поспешный переход на кириллицу принёс с собой некритичное заимствование слогового принципа, совершенно искажившего реальное соотношение хантыйских согласных и гласных, нехватку специальных знаков для многих звуков, отсутствующих в русском языке и, соответственно, не отраженных в алфавите, несимметричные отношения между звуками и буквами (несколько букв для одного звука либо одна буква для разных звуков). Для сравнения, только представьте себе, как выглядели бы русские слова в английской орфографии? Даже для старших поколений, свободно говоривших на хантыйском, разгадка таких «буквенных ребусов» была не самым простым делом, а для детей, обучающихся сегодня и хантыйским языком не всегда хорошо владеющих, подобные головоломки могут навсегда отбить интерес к чтению на хантыйском.

Все эти недостатки сняты в проекте усовершенствования орфографии, предложенном коллективом ученых-языковедов с участием д.ф.н. В.Н. Соловар и д.ф.н. Н.Б. Кошкарёвой, и поддержанной таким авторитетным специалистом по хантыйскому языку и его педагогике, как к.пед.наук Е.А. Нёмысова. Это хорошо продуманная орфография, последовательно отражающая особенности хантыйской фонетики, логичная и не навязывающая ложных представлений о звучании хантыйского слова. Мы всецело поддерживаем эти предложения в интересах будущих поколений хантыйских детей и с надеждой на укрепление позиций родного языка.

Сейчас в округе идет обсуждение изменений в орфографии; высказываются самые разные точки зрения, в том числе очень эмоционально. Самый весомый аргумент противников реформы - что нынешняя орфография «проверена в деле»... Однако Е.А. Нёмысова в этой дискуссии показала, что на самом деле в публикуемых сегодня журналистами текстах никакой последовательности в написании одних и тех же слов найти нельзя, в одной и той же газете то «Айкел~~я~~т» и «Вула~~н~~ в~~е~~р~~я~~т», то «Айкел~~я~~т» и «Вула~~н~~ в~~е~~рат», и на одной только странице одного выпуска газеты «Ханты яса~~н~~» – № 23 (3395) от 06 декабря 2013 г. - она обнаружила более 80-ти неточных и ошибочных написаний. Следовательно, „проверенность в деле“ только кажущаяся, а количество ошибок обусловлено в первую очередь несовершенством системы письма.

Более того, в этом обсуждении есть и принципиально неверные высказывания. «Ученые подсказывают, что нам изменить в языке», «призываем оставить в покое хантыйский язык», не «раздирать язык на части»... Да поймите же, что речь идет не о самом языке, на хантыйский язык ученые повлиять не могут, никто со стороны на это не способен - только сами говорящие на языке! А вот как лучше записать звучание хантыйской речи, как лучше преподавать детям чтение и письмо - в этом глубже разбираются специалисты, ученые-педагоги, ученые-языковеды. И если их коллективное мнение гласит, что в нынешней орфографии детям учиться трудно, может быть, стоит к нему прислушаться?

Нельзя не согласиться, что для людей старшего поколения, уже наученных читать и как-то писать по существующей системе, такая реформа весьма неудобна: на переобучение нужно время и значительные усилия, при письме и чтении нужно менять привычки, а следовательно, на время несколько снижается и профессиональный уровень людей, работающих с языком (журналисты, редакторы, учителя и т.п.) Разумеется, эта группа будет воспринимать изменения в орфографии как нечто совершенно ненужное, если не вредное (сами-то они-то с существующей системой уже свыклись, значит, и дети должны...)

Вопрос в том, чьи интересы нам важнее: этой группы или нынешних и будущих школьников. Если бы хантыйский язык не стоял под угрозой исчезновения, можно было бы сказать - ну и что, вон английская или русская орфография тоже несовершенны, но их тем не менее осваивают, все читают, и пишут, пусть и с ошибками, и ничего страшного. Но мы сейчас говорим не о языках международного общения; у многих хантыйских детей часто и так налицо ситуация нестабильного двуязычия с активным владением русским и пассивным владением хантыйским; они уже знают, что русский в практическом смысле язык гораздо более полезный; и столкнувшись с серьёзным несоответствием между тем, что они еще помнят, услышанное от бабушек, и тем, что они видят на бумаге и как они должны писать, они наверняка потеряют еще один стимул активно изучать язык своих предков.

Еще одно очевидное последствие изменений - необходимость разработки новых учебников первого цикла обучения чтению и письму, а также необходимость курсов для учителей и переиздания в новой орфографии школьных учебников и книг для чтения. Здесь опять же нужно отдавать себе отчет, что затраты такие будут, и решать вопрос, стоит ли того будущее языка.

Очевидно также, что от одного усовершенствования орфографии язык сразу же не возродится и не окрепнет, здесь действует слишком много разных причин, большинство их них социального характера; но по крайней мере одна из преград на пути к его возрождению, и довольно существенная, будет устранена.

Елена Скрибник, профессор,
кафедра финно-угроведения
Мюнхенского университета (Германия)

Йоханна Лааксо, профессор,
кафедра финно-угроведения
Венского университета (Австрия)

Марианна Бакро-Надь, профессор,
кафедра финно-угроведения
Сегедского университета (Венгрия)

